

Довольно многочисленное ИР «Быть пьяным/трезвым» представлено безэквивалентными УС как в плане выражения русск. *пьяный как зюзя*, англ. *as drunk as Chloe*; так и в плане содержания русск. *пьяный как дым*; бел. *п'яны як гразь*; болг. *пиян като пъян*; сербскох. *pijan kao sep*; чешек. *opily jako zviré*; лат. *pieviciés ka dublis*; англ. *as drunk as a fish*; швед. *full som en kaja*.

ИР «Быть плодовитым» представлен УС только белорусского языка, не содержащими истинно безэквивалентных номинантов: *плодны як відук*.

Итак, подводя итог, мы можем утверждать, что УС всех исследуемых языков отражают национальную специфику культур народов, чьими средствами общения они являются. Однако истинно безэквивалентными мы можем назвать лишь малую часть компаративных единиц, второй компонент которых содержит номинанты, не имеющих аналогов ни в одном из исследуемых языков.

Соловьева Н.В.

Белорусский государственный университет (г. Минск)

ОБРАЗ И ПОНЯТИЕ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА

Концепт – ментальная односторонняя сущность, единица сознания – обладает сложной структурой. В составе концепта обычно выделяют понятийный и образный элементы, отношение между которыми в самом общем виде можно охарактеризовать как отношение «сущности» и «явления». Говоря иначе, понятие мыслится как отвлеченная, «чистая» идея, смысловой каркас, тогда как образ представляет собой способ существования этой идеи в человеческом сознании.

В исторической перспективе степень участия этих элементов в формировании концепта видится исследователями по-разному. «Концепт рождается как образ, – замечают З.И. Попова и И.А. Стернин – но, появившись в сознании человека этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции» и таким образом постепенно превращаться «из чувственного образа в собственно мыслительный» [1, с. 70]. Значит ли это, что в ходе формирования концептуальных представлений существует этап, когда есть образ, но нет понятия? Этот вопрос, очевидно, не имеет однозначного ответа.

С одной стороны, образ и понятие – два различных средства миропознания, соотносимые соответственно с мифологическим (или наглядно-чувственным) и рациональным (или логико-понятийным) типами мышления. С этой точки зрения исторический переход от мифологического мышления к понятийному знаменует собой смену чувственно воспринимаемого образа абстрактным понятием.

С другой стороны, понятие есть сущность отраженного в сознании предмета или явления внешнего мира, а образ – лишь ее воплощение, «которое сущности не заменяет» [2, с. 304]. В этом случае понятие представляется как категория, свойственная концепту уже на начальном этапе формирования. Такое предположение выглядит логически непротиворечивым, если учесть, что понятие – не константное, а динамичное, исторически изменчивое образование, наивысшей точкой в развитии которого является абстракция.

В научной литературе уже высказывалась мысль о возможности существования понятийных образований различной степени абстракции, которая легла в основу разделения «наивного» и «научного» понятий. Очевидно, следует говорить не об исторически последовательной смене образа понятием, а о различном соотношении этих структурных элементов концепта в процессе развития мышления. При этом необходимо учиты-

вать, что в ходе эволюции связь понятия и образа подвергалась не только количественным, но и качественным (т. е. содержательным) изменениям.

В древнейшем мифологическом сознании доминирующая роль принадлежит чувственному образу: человек мог представлять себе предметы и явления только в их конкретном, «вещном» проявлении. Восприятие «сущности» архаическим сознанием возможно «только через «вещь» и лишь благодаря наличию «вещи»» [2, с. 300]. По сути, архаическое сознание представляет собой непротиворечивую систему понятий (или, точнее, пред-понятий, поскольку их нельзя отождествлять с современными абстракциями), скрытых в конкретно-чувственной оболочке образа. При этом образ и понятие неразрывно связаны между собой в мифе. Как замечает О.М. Фрейденберг, в этой «системе мысли» образ и понятие – «это не две одежды, верхняя и нижняя, но единое смысловое целое, которое анатомируется только наукой» [3, с. 229]. Созвучна с этим мысль В.В. Колесова, по мнению которого «мы уже «испорчены» логико-понятийным осмыслением нашей культуры и не способны видеть объемность и известный семантический синкретизм исходного образа» [2, с. 349], в котором «сущее одновременно предстает как природа (суть), как ее субстанция и как существование сущности» [2, с. 304].

Исторически происходит отделение «идеи» от «вещи», т. е. формирование отвлеченного понятия в известном нам смысле, как «мысли, в которой отражаются общие и наиболее существенные свойства и отношения предметов действительности» [4, с. 93]. Историко понятия можно представить как «историю его освобождения от мифологического образа, от тех законов мышления и от той семантики, которую оно должно было преодолевать и разрывать» [3, с. 576]. Однако становление собственно понятий было долгим процессом, который совершался на протяжении веков. Даже выйдя за рамки мифа, древнее сознание не сразу освобождается от конкретности. «Первоначальные понятия возникали не в виде отвлеченных категорий, преодолевших чувственность мифологического образа, а как раз наоборот, в виде тех же чувственных категорий, лишь изменивших свою функцию» [3, с. 233–234], вследствие чего на определенном историческом этапе обнаруживается параллелизм двух различных форм мышления, что проявляется во взаимообусловленности и противоречивом симбиозе «освобожденного» понятия и переосмысленного образа.

Так происходит, в частности, на начальном этапе формирования концепта «война», который уже в общеславянскую эпоху оформляется как содержательная категория с формально выраженным значением признака (*voj → *voj-ьna). Генетически *воина* – это свойство, признак древнейшей категории ‘вой’, ‘военной силы’, реализованной на двух уровнях: космическом (в этом случае ей соответствует образ обожествленной персонафицированной силы) и общественном, которому соответствует образ «земного» войска как нерасчлененного множества.

Выделение свойства из древнейшего целостного представления – это, по сути, первый шаг на пути к «снятию» первоначального синкретизма и, следовательно, к формированию понятия. Однако архаическое сознание еще долгое время не способно четко различать причину и следствие, предмет и его свойства. Поэтому древнейшее понятие войны в самом начале своего существования неразрывно связано со своим конкретным воплощением – войском, что производит впечатление своего рода тавтологии: в прежнем мифологическом сознании свойство предмета мыслилось как его внутренняя сущность и было равнозначно самому предмету (предмет = свойство); здесь же формально отделенное свойство выступает в неразрывной связи с предметом (свойство = предмет). То есть формально имеется один и тот же конкретный образ вой-войска, однако во втором случае очевидно, что этот образ переосмысливается, трансформируется в уже отвлеченный.

ченной сущности и существует только в силу необходимости, поскольку отвлеченность зарождающегося понятия еще содержит в себе конкретность.

В процессе развития мышления происходит дальнейшее разделение образа и понятия, «явления» и «сущности» с последующим продвижением «по ступеням абстракцию» путем отвлечения все новых признаков. При этом вынужденная мифологическая образность «сменялась другой образностью в языке, где образ уже не тождественен сущности, и осознается как форма, которую принимает эта сущность. Другими словами, разделение образа и понятия означает конец мифа и начало метафоры: «новый (т.е. метафорический – Н.С.) образ, наделенный понятийными чертами, обращался в иносказание понятия, как раньше понятие было иносказанием мифологического образа» [3, с. 576]. «Старый» мифологический образ не исчезает, он остается «внутри» понятия, сообщая уже вполне отвлеченной сущности свои конкретные смыслы. Эти смыслы, которые можно рассматривать как своего рода архетипы коллективного бессознательного, являются основой для дальнейших – «осознанных» – метафорических употреблений. «В метафоре концепт как бы возвращает к себе неадекватное или устаревшее понятие «для доработки» [2, с. 183].

Следует отметить, что предметом когнитивных исследований зачастую становится какой-либо один из элементов концептуальной структуры. Тем самым концепт может пониматься как зафиксированное в словарях лексическое значение слова (в этом случае концепт = понятие), либо как обобщенный образ слова, состоящий из гештальтов – импликатур предикативно-атрибутивной сочетаемости абстрактного имени. Между тем, только комплексный анализ понятия и образа через «все зафиксированные в языке и возможные в нем средства вербальной репрезентации определенного концепта» позволяет «судить о содержании и структуре данного концепта как единицы мышления данного социума» [1, с. 94].

Литература:

1. Попова З.Д., Стернин И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике.* – Воронеж, 2002.
2. Колесов В.В. *Философия русского слова.* – СПб., 2002.
3. Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности.* – М., 1998.
4. Горский Д.П. *Вопросы абстракции и образование понятий.* – М., 1961.

Быковская О.А.

Белорусский государственный университет (г. Минск)

АКТИВНОСТЬ ЛЕКСЕМ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЗВАНИЯМИ ЯВЛЕНИЙ ЖИВОЙ И НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ)

1. **Аспекты активности слова.** Современная лексикология рассматривает активный словарь языка как «часть словарного состава языка, которая включает относительно ограниченное число лексических единиц, особенно часто используемых в речи, причем в связи с наиболее существенными для данного общества реалиями, понятиями, ситуациями» (Арапов, 1998, 22). В.А. Москович выделяет 4 аспекта активности слова: 1) полисемия; 2) способность к словопроизводству; 3) способность к словосложению; 4) способность входить в состав ФО (далее ФО) (Москович, 1969, 23). М.В. Арапов добавляет еще два свойства языковой активности слова: стилистическая нейтральность и высокая сочетаемость. (Арапов, 1998, 22). В данной статье представлены результаты исследования активности названий явлений живой и